За день.

Въ Тегеранѣ и Тавризѣ происходятъ антирусскія демонстраціи. Русское посольство роздало русской колоніи оружіе. Въ Тегеранѣ объявлено военное положеніе.

Изъ Джульфы выступили русскія воинскія части.

Въ палатѣ общинъ товарищъ статсъ-секретаря Оклэнда отвѣчалъ на вопросы о русско-персидскомъ конфликтѣ.

Въ Гос. Совѣтѣ комисія о волостномъ земствѣ признала желательнымъ созданіе мелкой земской единицы.

Оштрафованы: въ Кіевѣ «Дневникъ Польскій» на 300 руб., въ Ригѣ—латышская газета на 100 руб.

Юаншикай принимаетъ потсъ президента китайской республики. Революціонеры разбили правительственныя войска близъ Фучжоу.

На линіи Салоники—Константинополь бомбами вызвано крушеніе поѣздовъ.

Входитъ Николай Рьегушъ. Типичный рабочій съ простымъ, на первый взглядъ, немножко туповатымъ выраженіемъ лица и мягкимъ взглядомъ сидящихъ глубоко въ орбитѣ крупныхъ глазъ. Долговязый, съ не въ мѣру длинными руками и ногами и типичнымъ южнымъ сгорбленнымъ носомъ, онъ производитъ впечатлѣніе чего-то чрезмѣрно простого. А вся обстановка суда, несмотря на внѣшнюю торжественность, какъ-то плохо напоминаетъ,—увы!—хорошо намъ знакомую обстановку политическаго суда. Я сижу, наблюдаю, и рой неотступныхъ мыслей копошится въ моемъ, привыкшемъ къ роднымъ картинкамъ умѣ. Судьи не военные, а въ обыкновенныхъ мундирахъ свободнаго судебнаго вѣдомства. Судятъ присяжные засѣдатели. Двѣ обширныя длинныя скамьи передъ публикой заняты представителями печати. Скамья подсудимыхъ безъ рѣшетки, и на ней одиноко ютится обвиняемый, правда, въ сопровожденіи солдата, но солдата, который скромно и просто сидитъ тутъ же на скамьѣ подсудимыхъ, безъ ружья, безъ сабли на-голо. И любопытная картинка изъ области вѣнской Gemütlichkeit. По окончаніи своего свидѣтельскаго показанія мать подсудимаго, а то и пріятель его подходятъ во время засѣданія къ подсудимому и дружески пожимаютъ ему руку.

Вотъ къ свидѣтельскому барьеру подходитъ рабочій Паулинъ. Это тотъ самый землякъ Рьегуша, который далъ ему пріютъ въ Вѣнѣ, который привелъ его въ парламентъ и указалъ ему въ лицо министра юстиціи, на котораго было произведено покушеніе. И, тѣмъ не менѣе, Паулинъ фигурируетъ въ роли свидѣтеля, а не обвиняемаго. Еще одинъ свидѣтель, фельдфебель, ведшій до самаго послѣдняго дня переписку съ Рьегушемъ и подарившій или продавшій ему револьверъ, которымъ произведено покушеніе. И этотъ человѣкъ оказывается свидѣтелемъ носящимъ по сей день военный мундиръ и вызваннымъ въ судъ для характеристики личности Рьегуша.

А въ самомъ судебномъ разбирательствѣ стоитъ отмѣтить его полноту, его тщательность. Хотя подсудимый Рьегушъ въ самый моментъ происшествія сдѣлалъ заявленіе, цѣликомъ поддерживаемой имъ на судѣ, о томъ, что онъ стрѣлялъ, имѣя намѣреніе убить министра юстиціи, хотя врачебная экспертиза признала его психическое состояніе вполнѣ нормальнымъ, предъ судомъ длинной вереницей прошли свидѣтели—очевидцы событія, свидѣтели, говорившіе о жизни, о молодости, дѣтствѣ подсудимаго, а также подсудимые. Гвоздемъ же настоящаго процесса, моментомъ, приковавшимъ къ нему вниманіе многочисленной публики, было появленіе въ залѣ суда, просто, безъ всякихъ церемоній, въ качествѣ обыкновенныхъ свидѣтелей, министра-президента Штюрка и министра юстиціи Гохенбургера. Не у себя на дому, а въ обычной обстановкѣ суда, въ ряду другихъ свидѣтелей, давали свои показанія эти первые чиновники страны.

Допросъ этихъ свидѣтелей явился кульминаціоннымъ пунктомъ процесса. Когда предсѣдатель суда заявилъ, что онъ считаетъ излишнимъ дѣлать министру-президенту обычное напоминаніе о важности и святости свидѣтельскаго показанія и что, съ согласія сторонъ, министръ-президентъ освобождается отъ присяги, въ залѣ было замѣтно движеніе. Но особенно интересно было слѣдить во время допроса министра юстиціи за впечатлѣніемъ подсудимаго. Первый разъ въ жизни Рьегушъ столкнулся лицомъ къ лицу съ тѣмъ, въ котораго онъ недавно стрѣлялъ, желая его смерти. Понуривъ голову, скрестивъ на груди руки, сидѣлъ далматинскій рабочій на скамьѣ подсудимыхъ и слушалъ разсказъ того, кого онъ представлялъ себѣ своимъ врагомъ, противъ котораго можно поднять оружіе. Эта сцена допроса произвела сильное, потрясающее впечатлѣніе, и когда министры, здѣсь, на глазахъ у Рьегуша давали свои осторожныя, по формѣ корректныя, по существу убійственныя показанія и тотъ, кто былъ на волосокъ отъ смертельной опасности, спасенный лишь благодаря счастливому случаю, смотрѣлъ на присяжныхъ засѣдателей, было ясно, что участь подсудимаго рѣшена. Такъ и случилось.

Судебное слѣдствіе прекрасно пролило свѣтъ на природу этого рѣзко выдѣлившагося въ лѣтописяхъ австрійской жизни случая. Какой бы то ни было даже малѣйшей связи даннаго случая съ партійной дѣятельностью и партійной организаціей не констатировано. Наоборотъ, легенда о такой связи на судѣ блестяще опровергнута. Подготовленности къ покушенію также не установлено.

Подсудимый выросъ въ очень тяжелой семейной обстановкѣ, на рукахъ отца, довольно зажиточнаго человѣка, но страдавшаго безнадежнымъ алкоголизмомъ. Когда онъ напивался, онъ бросался съ револьверомъ въ рукахъ на дѣтей, и тѣ съ испугу прятались подъ столы. Нерѣдко отецъ устраивалъ такія сцены. Онъ притворялся покойникомъ, ложился на столъ, его обставляли свѣчами, и жена обязана была его оплакивать... Мальчикъ росъ въ глухомъ далматинскомъ городкѣ. Къ оружію онъ привыкъ съ дѣтства. Постоянно носилъ при себѣ револьверъ, кинжалъ и ножъ. Вооруженныя стычки съ товарищами происходили нерѣдко. Молодымъ человѣкомъ онъ состоялъ въ числѣ сербско-кроатскихъ націоналистовъ. Потомъ перекочевалъ въ партію соціалъ-демократовъ. Ученіе соціализма не понималъ. Но хорошо зналъ, что соціалъ-демократическая партія стремится къ улучшенію быта рабочихъ. И этого было достаточно, чтобы съ его устъ то и дѣло срывалась фраза: «Hoch der Socialismus», которая прогремѣла и въ парламентѣ въ день покушенія.

Какъ произошло само событіе? Рьегушъ пришелъ въ парламентъ изъ любопытства, вооруженный револьверомъ, который обыкновенно носилъ при себѣ. Слушалъ рѣчь Виктора Адлера, которой не владѣя вполнѣ нѣмецкимъ языкомъ, не понималъ. Но по отдѣльнымъ словамъ понималъ, что рѣчь идетъ о демократіи, о дороговизнѣ, о несправедливыхъ приговорахъ надъ рабочими. Въ это время ему бросилось въ глаза смѣющееся лицо министра юстиціи. Возбужденный и возмущенный, онъ выстрѣлилъ, «желая убить министра».

На судѣ, поддерживая версію о желаніи убить министра, Рьегушъ, тѣмъ не менѣе, разъяснилъ, что стрѣлялъ, не цѣлясь, и что былъ несказанно радъ, узнавъ впослѣдствіи, что выстрѣлы никому вреда не причинили.

Но для Рьегуша оказалась не подъ силу очная ставка съ министрами, рѣшившимися категорически и авторитетно удостовѣрить, что подсудимый въ нихъ цѣлился.

Большинствомъ десятью голосовъ противъ двухъ присяжные засѣдатели признали фактъ покушенія на убійство министра юстиціи и вынесли приговоръ о семи годахъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ.
дятъ суровымъ, не въ мѣру строгимъ.

30 ноября.

М. Б.

Маленькій фельетонъ.

Враги.

— Дубровинъ—Востороговъ.
— Никольскій—Марковъ 2-й.
— Булацель—Пуришкевичъ.

Я воображалъ, что всѣ эти господа, окрашенные въ одинъ цвѣтъ,—добрые между собою друзья, рыцари одного ордена, однополчане, которые при встрѣчѣ цѣлуются и хлопаютъ другъ друга съ добродушною усмѣшкою на устахъ, по животу:

— Ну какъ, душа моя, Марковъ?

— Да ничего! Слава Богу, другъ ты мой, Никольскій...

Но, оказывается, никакой такой идилліи на самомъ дѣлѣ нѣтъ, оказывается, эти черные люди грызутся промежъ себя какъ скорпіоны и не по животу они хлопаютъ другъ друга при встрѣчѣ, а по шеѣ и по физіономіи.

Не могу понять, въ чемъ тутъ дѣло.

Никольскій жидоѣдъ.

Марковъ 2-й жидоѣдъ.

Никольскій стоитъ за усиленіе татарскаго начала. Марковъ 2-й стоитъ за то же.

Никольскому ненавистенъ духъ свободы.

И Маркову 2-му.

Никольскій боится законности, какъ чортъ ладана.

И Марковъ 2-ой.

Съ какой же это стати аппелируютъ другъ другу по физіономіи эти люди, которымъ надлежало бы быть содружествомъ Орестомъ и Пиладомъ?

Можетъ быть, одинъ изъ нихъ опозорилъ себя съ бѣлымъ флагомъ? Ну, напримѣръ, гласно выраженнымъ несочувствіемъ къ погромамъ?

Такого случая не было и не могло быть.

Не сказали, быть, въ идеологіи этихъ того и другого имѣются какія-нибудь отрицательные нюансы?

Этого нѣтъ! Идеологія всей черной братіи одинакова.

Они должны лобызаться, а они грызутся промежъ себя въ своихъ капищахъ, предаютъ другъ друга анаѳемѣ и пересчитываютъ другъ другу ребра.

Дубровинъ и Востороговъ—враги.
Никольскій—Марковъ 2-й—враги.
Булацель и Пуришкевичъ—враги.

Юскевичъ-Красовскій, украшеніе и утѣшеніе всей черносотенной рати, ея Гамбетта, ея Наполеонъ—былъ раньше дубровинцемъ, а теперь сталъ марковцемъ.

Но какая же, могу узнать, разница между Дубровинымъ и Марковымъ 2-мъ? Какая можетъ быть разница между людьми, стремящимися къ осуществленію одного и того же идеала. Вѣдь у нихъ общее—то, что ихъ сближаетъ и объединяетъ. У нихъ общіе враги!

Повидимому, правъ былъ извѣстный ученый академикъ Соболевскій, открывшій въ черной братіи аграрную подоплеку. Когда темныя деньги пролились благодатнымъ дождемъ на ниву, воздѣланную Дубровинымъ, нива Пуришкевича сохла отъ бездождія. Теперь темныя деньги проливаются надъ нивой Пуришкевича и Маркова 2-мъ, а сохнетъ отъ бездождія нива Дубровина. И, въ сущности говоря, выходка Никольскаго, приведшая въ конечномъ результатѣ къ бою, была, такъ сказать, аграрнымъ бунтомъ. Аграрнымъ бунтомъ землепашца, который съ горечью видитъ, что золотоносныя тучи обѣгаютъ его ниву, и проливаютъ все свое содержимое надъ нивой сосѣда. Это былъ просто голодный бунтъ.

Но, господа! Общность идеологіи, общіе врагъ, общая борьба за старый режимъ—неужели не могутъ застраховать васъ отъ градо... или, вѣрнѣе, отъ мордобитія?

Civis.

Русско-персидскій конфликтъ

(По телеграфу отъ нашихъ корреспондентовъ).

ТЕГЕРАНЪ, 21 ноября (4 декабря).

Проживающіе здѣсь русскіе считаютъ положеніе довольно опаснымъ. Русское посольство роздало оружіе и боевые припасы русской колоніи. Персидское правительство рѣшило для поддержанія порядка объявить въ Тегеранѣ осадное положеніе.

Новый начальникъ полиціи Бахтіаръ Эмиръ Муджалинъ намѣренъ обезоружить всѣхъ добровольцевъ и фидаевъ.

ЛОНДОНЪ, 21 ноября (4 декабря).

По поводу русско-персидскаго конфликта либеральная газета «Morning Leader» пишетъ: «Если Грею не удастся удержать Россію отъ оккупаціи сѣверной Персіи, то это будетъ служить яркимъ показателемъ цѣнности русско-англійскаго соглашенія, такъ какъ и Россія, и Франція, прекрасно знаютъ, что поведеніе русскаго правительства въ конфликтѣ съ Персіей не одобряется англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Слѣдствіемъ движенія русскихъ войскъ въ глубь Персіи можетъ быть или то, чего англійскіе либералы больше всего опасались,—раздѣлъ Персіи между державами, связанный съ большими затрудненіями и съ необходимостью защищать вооруженными силами пограничную линію, или же движеніе русскихъ войскъ вызоветъ треніе между Англіей и Россіей».

(Отъ петербургскаго телеграфн. агентства).

ДЖУЛЬФА, 21-го ноября. — Въ Хой выступили воинскія части, предназначенныя для усиленія конвоя консульства въ этомъ городѣ.

ДЖУЛЬФА, 21 ноября.—Въ Тавризѣ, въ четырехъ мечетяхъ происходили антирусскіе митинги. Возбужденіе растетъ, базары охраняются патрулями русскаго отряда. Сегодня ожидается вступленіе въ городъ Самадъ-хана.

Шуджау - Низамъ отступилъ отъ Аламдара и направился въ Тавризъ, на помощь Самадъ-хану. Русскіе товары вывезены изъ Аламдара подъ охраной казаковъ.

ТЕГЕРАНЪ, 21 ноября (4 декабря) (Соб. корр.).—Базары четвертый день закрыты. Продолжаются демонстраціи, въ которыхъ принимаютъ участіе также женщины и школьники. Кабинетъ, отставка котораго не принята, остается у власти. Положеніе тревожное.

ТЕГЕРАНЪ, 21 (4) ноября. (Соб. корр.).—Въ Тегеранѣ объявлено военное положеніе. Временнымъ генералъ-губернаторомъ назначенъ бахтіарскій Эмиръ-Муджахидъ.

ЛОНДОНЪ, 21 ноября (4 декабря).—Палата общинъ. Отвѣчая на вопросъ, товарищъ статсъ-секретаря Оклэндъ сказалъ: «Требованія, заключающіяся въ русскомъ ультиматумѣ Персіи, основаны на слѣдующемъ: первое—увольненіе Шустера и Лекоффа, второе—обязательство не приглашать на службу персидскаго правительства иностранцевъ безъ предварительнаго согласія англійской и русской миссій, третье—возмѣщеніе Персіей расходовъ, вызванныхъ посылкой русской военной экспедиціи, причемъ способы уплаты и размѣръ суммы будутъ установлены послѣ согласія русскаго правительства. Къ этому было присовокуплено, что положеніе другихъ лицъ, приглашенныхъ Шустеромъ на персидскую службу, должно быть урегулировано согласно съ пунктомъ 2-мъ. Британское правительство было освѣдомлено объ условіяхъ ультиматума раньше, чѣмъ послѣдній былъ посланъ, но такъ какъ событія, вызвавшія посылку ультиматума, прежде всего касаются русскаго правительства, то дѣло не представлялось таковымъ, въ которомъ требовалось бы согласіе Великобританіи». Впрочемъ, сказалъ далѣе Оклэндъ: «Въ виду образа дѣйствій Шустера, высказывалось мнѣніе, что Великобританія можетъ предпринять шаги относительно требованій, касающихся Шустера и назначенія иностранныхъ совѣтниковъ. Ультиматумъ былъ посланъ однимъ лишь русскимъ правительствомъ, но не отъ имени Великобританіи». Отвѣчая на другіе вопросы, Оклэндъ сказалъ: «Великобританскій посланникъ сообщаетъ, что между персидскими министрами и главнымъ казначеемъ происходили серьезные нелады нѣсколько недѣль тому назадъ, что и были причиной ухода трехъ министровъ. Я не имѣю никакихъ свѣдѣній относительно чувствъ персидскаго народа, но Шустеръ получилъ поддержку меджилиса».

Либералъ Морель (Вэджвудъ) предложилъ нѣсколько вопросовъ, но Оклэндъ оставилъ ихъ безъ отвѣта, въ виду этого Морель заявилъ, что онъ еещ разъ поставитъ свои вопросы (Аг. Рейтера).

Революція въ Китаѣ.

(По телеграфу отъ нашего корреспондента).

ЛОНДОНЪ, 21 ноября (4 декабря).

По сообщенію «Times'a», монгольскіе князья Восточной Монголіи, главный городъ которой—Урга, объявили себя независимыми отъ пекинскаго правительства. Китайскій амбань замѣненъ монгольскимъ амбанемъ. Движеніе распространяется и на Западную Монголію, и главный городъ ея, Уласутай.

Возстановленіе китайской власти въ Монголіи будетъ, по словамъ газеты, сопряжено съ чрезвычайными трудностями, такъ какъ по ту сторону китайской границы, въ очень близкомъ отъ нея разстояніи, стоятъ русскія войска, ждущія только предлога вторженія въ предѣлы Монголіи.

(Отъ петербургскаго телеграфн. агентства).

ПЕКИНЪ, 21 ноября (4 декабря) (Соб. корр.). — Въ Учанѣ вывѣшено объявленіе, что Юаньшикай соглашается принять постъ президента республики. Населеніемъ это объявленіе принято радостно.

ПЕКИНЪ, 21 ноября (4 декабря) (Соб. корр.).—Совѣтъ министровъ разослалъ по всѣмъ провинціямъ телеграмму, сообщающую, что, при посредствѣ англійскаго консула, въ Ханькоу установлено перемиріе на три дня для переговоровъ, которые есть надежда мирно закончить.

Конституціонная палата постановила чтобы о всѣхъ правительственныхъ расходахъ ей представлялись ежемѣсячные отчеты.

Сообщается, что южный участокъ Тяньцзинь-Пукоуской желѣзной дороги поврежденъ революціонерами. Въ провинціи Анхой мятежниками захвачены города Тайху и Бочжоу, а также часть Тяньцзинь-Пукоуской желѣзной дороги.

Нанкинскій вице-король вмѣстѣ съ цзяньцзюнемъ Тѣляномъ на иностранной канонеркѣ выѣхали въ Шанхай.

ШАНХАЙ, 20 ноября (3 декабря).—Желѣзнодорожное движеніе между Шанхаемъ и Нанкиномъ вчера возобновилось. Сюда прибыло много раненыхъ. По слухамъ, генералъ Чжанъ бѣжалъ. Генералъ-губернаторъ и начальникъ манчжурскихъ войскъ скрываются въ иностранномъ консульствѣ. Правительственныя войска очистили Пукоу. Въ Шанхаѣ все спокойно.

ХАРБИНЪ, 21 ноября.—Китайскія газеты сообщаютъ о рядѣ вооруженныхъ столкновеній революціонныхъ отрядовъ съ правительственными войсками близъ Фучжоу, Фынхуантина, Ляояна, Сюяньчжоу и Аньдетана. Вездѣ нападающей стороной являются революціонеры. Близъ Ляояна раненъ японскій офицеръ случайной пулей мятежниковъ, напавшихъ на отрядъ правительственныхъ войскъ. Мятежниками заняты укрѣпленія Шуймынза и Ванцзыаейнъ, близъ Фучжоу. Защищавшіе укрѣпленія правительственные отряды, потерявъ 14 человѣкъ убитыми и ранеными, отступили въ Фучжоу.

Въ Болгаріи.

(По телеграфу отъ нашего корреспондента)

СОФІЯ, 21 ноября (4 декабря).

Членъ крестьянскаго союза, Страшимировъ (?) запросилъ правительство, знало ли оно о послѣдней встрѣчѣ царя Фердинанда съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ и не ухудшила ли эта встрѣча турецко-болгарскія отношенія.

Голодъ.

(По телеграфу отъ нашего корреспондента).

ОРЕНБУРГЪ, 21 ноября.

Завѣдующій общественными работами въ челябинскомъ уѣздѣ, Поярковъ, сообщилъ губернатору, что общественныя работы, предположенныя въ 563 селеніяхъ, производятся лишь въ 408 пунктахъ. Въ остальныхъ селеніяхъ работы до сихъ поръ не открывались за отсутствіемъ кредита. Населеніе голодаетъ.

(Отъ петербургскаго телеграфн. агентства).

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ, 21 ноября.—Губернаторомъ дано разрѣшеніе отдѣлу общества охраненія народнаго здравія и редакціямъ мѣстныхъ газетъ открыть сборъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

ЧИСТОПОЛЬ, 21 ноября.—Въ уѣздѣ предполагается выдача пайковъ старикамъ, больнымъ и дѣтямъ печенымъ хлѣбомъ на 3 копѣйку въ сутки.

Въ городѣ открываются для безработныхъ столвыя на средства Краснаго Керста.

Одинъ изъ крестьянъ, работающихъ на общественныхъ работахъ въ казанской губерніи, пишетъ нашему корреспонденту о порядкахъ, водворившихся на этихъ работахъ:

«Мы то трудящіеся зарабатываемъ мало, а вотъ десятники, тѣ, прямо скажу, деньги наживаютъ. Ну, ловкіе-то и изъ нашего брата въ сдѣлку съ ними входятъ... Гуляютъ эти самые десятники прямо напропалую: все время ходитъ тебѣ навеселѣ. Никакого за ними досмотру нѣтъ, а ежели что сказалъ нашъ братъ, сейчасъ тебя проводитъ съ работы, не мути, молъ, добрыхъ людей»...

О тѣхъ же общественныхъ работахъ другой крестьянинъ пишетъ: «Работали это мы на Волгѣ; берегъ укрѣпляли, камнемъ застилали. Работали недѣли двѣ, разсчету не давали. Потомъ стали намъ выдавать деньги Я за 12 дней работы получилъ 1 р. 30 к. Другимъ тоже, кому гривенникъ, кому копеекъ пятнадцать обошлюсь на день, а вѣдь лаптя одного что износишь... Стали мы говорить технику, отчего, молъ, ваше благородіе, этакъ мало намъ вышло. Вы, говоритъ, плохо работали, а работа была вовсе не поденная, а сдѣльная. Послѣ разсчету изъ насъ, почитай, всѣ бросили работать, немного осталось. Слышалъ я, что пришли, дескать, другіе, изъ другихъ деревень (рѣчь идетъ объ общественныхъ работахъ въ городѣ). Ну, пущай, попытаютъ счастья».

Изъ с. Самовольно-Ивановки (самарск. губ.) пишутъ товарищу предсѣдателя совѣта самарскаго отдѣла общества охраненія народнаго здравія: «Вынужденный плачемъ и скорбью своихъ односельчанъ, обращаюсь къ вамъ съ просьбою о помощи. Ежедневно ко мнѣ приходятъ десятками и женщины, и дѣти, и старики,—плачутъ, просятъ записать въ столовую. Многіе скотину проѣли, одежду позаложили и надѣла душевого не имѣютъ — положеніе, прямо, отчаянное... Нашему начальнику, слышно, выслали на 6 волостей 600 рублей. Это прямо насмѣшка горькая. Способныхъ къ труду нельзя кормить, а что же имъ дѣлать,—работы никакой. Сейчасъ пришли двѣ женщины, отдѣленныя изъ семей безъ надѣла земли, скотины никакой, одежда уже заложена за пудъ муки, въ столовую не могутъ быть записанными, потому что ихъ мужья имѣютъ сча-

---

Мы и они.

— Извозчикъ, двугривенный на улицу Жуковскаго!

— Пожалуйте!

Вотъ и пріѣхали.

Торопливо плачу деньги и отношенія между мной и извозчикомъ кончены. Я даже не замѣтилъ его лица. Но вдругъ онъ меня окликаетъ:

— Тутъ у васъ, я вижу, типографія. Дорого у васъ берутъ за печатаніе?

Смотрю: извозчикъ, какъ извозчикъ.

Совѣтую справиться въ конторѣ.

— У меня, вотъ, одна книжечка уже напечатана.

Извозчикъ слѣзаетъ съ козелъ, снимаетъ сидѣнье и изъ-подъ него вытаскиваетъ книжечку-листовку въ зеленой обложкѣ.

«Стихотворенія извозчика». И тутъ же на обложкѣ стихи:

«Минуло Петербургу двѣсти лѣтъ
Появился изъ среды извозчиковъ
поэтъ.
Стихи на козлахъ излагаетъ.
Читать народу предлагаетъ.
Все можетъ быть, настанетъ время
Намъ свѣтъ учености блеснетъ
Плоды наука занесетъ».

Тутъ же на обложкѣ и подробный адресъ извозчика-поэта.

Изъ-подъ того же сидѣнья извлекается пачка листовъ, исписанныхъ на пишущей машинѣ. Это опять стихи, но еще не изданные.

— Кто-жъ это у васъ переписываетъ на пишущей машинѣ?

— А это у меня сынъ этимъ занимается.

И извощикъ вручаетъ мнѣ пачку скопированныхъ листовъ, прося почитать ихъ на досугѣ.

Читалъ и... ничего достопримѣчательнаго не нашелъ.

Не только потому, что человѣкъ не овладѣлъ формой, не овладѣлъ даже простой грамотой, но, главнымъ образомъ, потому, что незамѣтно индивидуальности, не выразились свои интересныя и оригинальныя переживанія, не отразилось даже свое, извозчичье, ремесло, представляющее такое обширное поприще для наблюденій.

Если бы не оглавленіе, то по книжечкѣ даже догадаться нельзя было бы, чѣмъ занимается авторъ. Одинъ разъ только въ описаніи осени встрѣчается такой намекъ:

«Въ тихую погоду
Я попалъ на дачу
Привезъ господина
Въ Старую деревню»

Дальше идетъ плохая подделка подъ Кольцова.

Пробиваются у «извозчика-поэта» мотивы крестьянской жизни, отразилась японская война, отразилось и движеніе 1905 г.

«Призадумалась
Русь горючая,
Призадумалась
Успокоилась.
Соберу-ка я
Силу грозную
Пролетарскую
Сброшу прочь съ груди
Камень тяжести».

Есть и болѣе поэтическое отраженіе народныхъ волненій.

«То не по морю
Морю синему
Волны грозныя
Всколыхнулися
. . . . . .
То народныя
Волны грозныя
На Руси святой
Разшумѣлися.
Волны грозныя
На Руси святой.
Вы когда, когда
Успокоитесь?».

Несмотря на полнѣйшую литературную безпомощность, поэтъ-извозчикъ не чувствуетъ себя неудачникомъ и ни малѣйшихъ слѣдовъ раздраженія или озлобленія противъ «насъ» у него незамѣтно.

Своего извозчичьяго промысла онъ не оставилъ, книжку свою издалъ самъ и она, вѣроятно, разошлась: у нея была своя опредѣленная аудиторія. Хотя книжка и не касается извозчичьяго быта, все же она должно быть уже однимъ заглавіемъ заинтересовала извозчиковъ, которыхъ въ Петербургѣ десятки тысячъ.

Рабочій Сивачевъ, выпустившій свою злобную книжку, куда грамотнѣе и литературнѣе «извозчика-поэта», но онъ рабочимъ быть перестать, а литераторомъ не сталъ, и онъ золъ на весь міръ.

Такихъ обиженныхъ неудачниковъ является все больше, а впереди будетъ еще больше.

Массы всколыхнулись, и многіе, впервые вкусившіе отъ грамотности и литературы, наивно воображаютъ, что достаточно научиться писать, чтобы стать писателемъ.

Иные добиваются умѣнія писать «почти, какъ другіе», забрасываютъ редакціи своими произведеніями, часто подражательными и безнадежно сѣрыми и очень обижаются, когда ихъ не печатаютъ. Особенно донимаютъ стихами.

Человѣкъ, которому удалось кое-какъ совладать съ трудностями размѣра и риѳмы, хотя бы самыми примитивными, считаетъ себя на вершинѣ литературныхъ достиженій и не можетъ понять, почему редакціи не спѣшатъ увѣнчать плодовъ такого большого труда.

Печальна бываетъ участь и писателей, не лишенныхъ таланта.

Каждая выстраданная ими или съ трудомъ постигнутая идея кажется имъ новымъ открытіемъ. Они торжественно оповѣщаютъ міръ и не понимаютъ, почему міръ не изумляется.

Въ мірѣ культурныхъ цѣнностей для нихъ все ново, каждой пріобрѣтенной ими цѣнностью, каждымъ знаніемъ они спѣшатъ дѣлиться съ другими, они считаютъ долгомъ дѣлиться и впадаютъ въ экстазъ учительства.

Такова, напримѣръ, не лишенная дарованія, писательница, выбившаяся изъ низовъ, Надежда Санжаръ.

Все это фазисы, ступени того тернистаго пути, по которому массы пробиваются къ сознательности, къ свѣту, къ творчеству.

Все это тѣ «жертвы искупительныя», въ которыя обходятся такія единицы, какъ Ломоносовъ, Кольцовъ, Рѣшетниковъ, Никитинъ, Шевченко, Горькій.

Въ этихъ единицахъ не только исчезаетъ пропасть между массами и интеллигенціей, но онѣ иногда сами становятся въ первые ряды интеллигенціи, становятся вожаками и «властителями душъ» интеллигенціи.

Русская интеллигенція въ лучшихъ своихъ представителяхъ, въ самыхъ вліятельныхъ своихъ группировкахъ и теченіяхъ всегда была народнической и демократической, но она была одинока, она была малочисленна и въ тѣхъ новыхъ кадрахъ, что подымаются теперь снизу, жива лишь одна мечта: стать тоже интеллигенціей, обогатиться знаніемъ, обрѣсти стройное, сознательное міросозерцаніе.

Въ Москвѣ существуетъ, по крайней мѣрѣ, существовалъ, кружокъ «писателей изъ народа».

Мнѣ всегда казалось, что въ этомъ выдѣленіи, въ этой обособленности есть какое-то недоразумѣніе.

Если это настоящіе писатели, то не все ли равно, откуда они: «изъ народа», изъ купцовъ, или изъ дворянъ.

Что въ этомъ названіи: особаго рода щегольство или просьба о снисхожденіи?

— Достоинство человѣка опредѣляется не тѣмъ, откуда онъ пришелъ, а тѣмъ куда онъ идетъ,—замѣтилъ Ницше.

А всякій писатель, если онъ, дѣйствительно, писатель, если онъ, дѣйствительно, работникъ въ дѣлѣ созданія культурныхъ цѣнностей, идетъ въ ту рать рыцарей святого Духа, которая у насъ, съ легкой руки Боборыкина, называется интеллигенціей. И на меньшемъ никакія массы мириться не могутъ и не должены.

Полуинтеллигенція, «писатели для народа» и «писатели изъ народа», все это нѣчто преходящее, вспомогательное.

Когда Толстой сталъ доказывать, что человѣку нужно только три аршина земли, Чеховъ ему отвѣтилъ (въ разсказѣ «Крыжовникъ»).

— Нѣтъ, человѣку все нужно, не три аршина земли, а вся земля.

Ломоносову нужно было все: вся наука, вся литература, всѣ возможности, вся земля.

Народу, массамъ, нужны вся литература, все искусство, всѣ знанія и все самое лучшее, все первосортное.

Не «литература для народа», не «писатели изъ народа», не полуписатели, не полуинтеллигенты. Ему нужны Библія и Гомеръ, Шекспиръ, Гете, Пушкинъ, Толстой, Рафаэль, Микель Анжело.

И одно изъ самыхъ крупныхъ заблужденій Толстого, одно изъ самыхъ барскихъ его заблужденій, было то, что, когда онъ писалъ для «насъ», онъ написалъ «Дѣтство и отрочество», «Войну и миръ», «Анну Каренину», а когда онъ сталъ писать для народа, онъ сталъ писать поучительные сказки и разсказы и разсужденія, значительная часть которыхъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ не можетъ выдержать никакого художественнаго сравненія съ «Войной и миромъ» и «Анной Карениной».

Въ романахъ Толстого изъ барской жизни больше подлиннаго демократическаго духа, чѣмъ въ его произведеніяхъ для народа, уже потому, что въ романахъ этихъ больше общечеловѣческаго, больше той художественности, которая создаетъ «вѣчныя цѣнности».

Но то Толстой, геній котораго просвѣчиваетъ почти во всѣхъ его писаніяхъ.

Но спеціальная литература для народа, кромѣ развѣ технической—просто-напросто фальсификація.

Конечно, по нуждѣ и маргаринъ идетъ въ дѣло вмѣсто масла, а съ голода и лебеду ѣдятъ вмѣсто хлѣба. Но литература имѣетъ благодатное свойство горящаго пламени: сколько ни зажигай объ него свѣточей, оно не уменьшается.

Изданія классиковъ могутъ стоить не дороже, а порою и дешевле изданій «писателей для народа».

Есть литература, которая стала общечеловѣческой, безспорной или почти безспорной (Толстой противъ Шекспира).

Эта литература такъ нераздѣльно вошла въ нашу культуру, что безъ нея невозможно и пріобщиться къ этой культурѣ.

Вотъ основная духовная пища для массъ. А изъ текущей литературы, еще не опредѣлившейся, еще не окристаллизовавшейся, то, что по духу и по художественности ближе всего примыкаетъ къ «вѣчнымъ цѣнностямъ».

Мнѣ кажется, что другого отвѣта на вопросъ: «Что читать народу?»—быть не можетъ.

Конечно, къ этому идеалу можно только стремиться. Въ дѣйствительности массы, которыя живутъ въ тѣсныхъ и смрадныхъ квартирахъ, обречены на тяжелый, отупляющій и нездоровый трудъ, питаются скверной пищей—и тутъ получатъ дешевку, «литературу для народа», и кинематографы вмѣсто подлинныхъ литературы и искусства. Но еще хуже, когда утверждаютъ, что массамъ лучшаго ничего не надо.

И такой взглядъ существуетъ не только у «враговъ народа».

Есть ярые демократы, которые убѣждены, что массамъ нужна «литература для народа» съ начинкой и спеціальное искусство съ демократической тенденціей,—однимъ словомъ, что нужна «демократизація» литературы и искусства спеціально для массъ.

Недавно на собраніи, на которомъ обсуждалось одно литературно-общественное начинаніе, кто-то заговорилъ о необходимости демократизаціи въ смыслѣ привлеченія демократическихъ литературныхъ элементовъ.

— Не совсѣмъ понятно,—возразилъ старый маститый писатель, что надо разумѣть подъ этой демократизаціей. Выходитъ, какъ будто такъ: кто плохо пишетъ—демократъ, а кто пишетъ не плохо и на свою писательскую долю не жалуется—тотъ не демократъ...

Если бы интеллигенція дѣйствительно въ такомъ смыслѣ «демократизировалась», т. е. опростилась, она бы измѣнила не только себѣ, но и тѣмъ массамъ, которыя къ ней стремятся. Интеллигенція притушила бы огонь на томъ жертвенникѣ на горѣ, къ которому съ такимъ неимовѣрнымъ трудомъ стараются подняться находящіеся внизу, чтобы зажечь свои свѣтильники. Интеллигенція оправдываетъ свое существованіе лишь поскольку она остается вѣрна себѣ, своимъ идеаламъ, высшимъ устремленіямъ общечеловѣческой культуры.

Когда-то поэтъ Майковъ написалъ стихотвореніе «Вопросъ».

«Мы всѣ хранители огня на алтарѣ
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ
Дабы всѣмъ виденъ былъ! Мы соль
земли, мы свѣтъ!
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ
вопіютъ,
Прокормимъ какъ-нибудь мы этотъ
темный людъ,
Чтобы не умереть ему, не голодать,
Намъ есть пока, что дать!
Но если бъ умеръ въ немъ живущій
идеалъ
И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ
взалкалъ
И вдругъ о помощи возвопіялъ бы къ
намъ,
Своимъ старѣйшинамъ, пророкамъ и
вождямъ,—
Мы всѣ хранители огня на алтарѣ
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ виденъ былъ и въ ту
свѣтилъ бы тьму,—
Что бъ дали мы ему»?

Сейчасъ какъ разъ, оказывается, настала «година бѣдъ» и оптимизмъ Майкова «прокормимъ какъ-нибудь мы этотъ темный людъ», оправдывается довольно туго.

Ни самъ этотъ «темный людъ» себѣ помочь не можетъ, ни мы, «по независящимъ обстоятельствамъ», не можемъ какъ слѣдуетъ развернуть дѣло помощи ему. И въ томъ, что такія «независящія обстоятельства» могутъ существовать, виноваты обѣ стороны, и онъ, и мы. «Онъ» безпомощенъ безъ насъ, «мы» безсильны безъ него.

Но то же самое повторяется въ области «идеала».

Въ «немъ» онъ теплится стихійно, какъ подземный огонь, мы творимъ его при свѣтѣ сознанія, но это все тотъ же священный огонь, который Прометей нѣкогда похитилъ съ неба и былъ за это наказанъ административнымъ порядкомъ.

И въ книгѣ судебъ написано, что не будетъ мира на землѣ, пока тотъ темный огонь не озарится нашимъ свѣтомъ, и пока нашъ свѣтъ не обрѣтетъ стихійнаго могущества того пламени...

С. Любошъ.